

© Леонтьева Татьяна Валерьевна

кандидат филологических наук, Российский государственный профессионально-педагогический университет (Екатеринбург), leotany@mail.ru.

К вопросу о составе русской «социальной лексики»

Аннотация. Уделяется внимание вопросу выявления и осмысления лексических репрезентантов социальной семантики. Анализируются данные идеографических словарей, в которых осуществляется систематизация лексического состава языка по семантическим основаниям, и научные публикации, в которых предпринимались попытки классификации лексики с социальной семантикой. Предлагается учитывать, что социальные смыслы могут быть выявлены в разных элементах семантической структуры слова.

Ключевые слова: традиционная народная культура; русские народные говоры; социальная лексика.

DOI: 10.17853/2312-3281-2015-4-125-133

© Leontyeva Tatiana Valeryevna

PhD in Philology, Russian State Vocational Pedagogical University (Yekaterinburg), leotany@mail.ru.

Discussing the Russian "Social Lexicon"

Abstract. Attention to identification and understanding of the social representatives of lexical semantics is paid. The analysis of thesauruses, which are used to systematize vocabulary of a language according with semantic stems, and scientific publications, in which attempts were made to classify vocabulary with social semantics, is given. One should take into account that social meanings can be found in the different elements of the semantic structure of a word.

Key words: traditional culture; Russian folk dialects; social lexicon.

DOI: 10.17853/2312-3281-2015-4-125-133

К осмыслению лексических репрезентантов социальной семантики следует подходить с позиций центрального для антропологической

лингвистики постулата об обязательном присутствии в языке «следов» тех объектов духовной и материальной жизни общества, которые образуют значимый для этноса культурный слой. Тип общества, тип культуры и язык (либо языковой идиом) находятся во взаимной проекции. Так, лексическими средствами современного русского литературного языка запечатлены представления об актуальных сегодня явлениях социальной жизни, общественных структурах, объектах, процессах, общественном поведении человека, а лексика русских народных говоров хранит сведения и представления об организации взаимодействий людей в крестьянском социуме. Поскольку каждый языковой идиом имеет свою специфику в идеографическом членении, обратимся к данным идеографических словарей, в которых осуществляется систематизация лексического состава языка по семантическим основаниям, и к научным публикациям, в которых предпринимались попытки классификации лексики с социальной семантикой.

В современном русском литературном языке функционируют обозначения государственных органов и других властных структур, гражданских и иных объединений, социальных институтов, процессов и тенденций, охватывающих общество в той или иной его части, политических течений, оценок состояния общества, форм совместной деятельности людей, явлений массовой культуры, характеристик человека по его статусу в обществе, социальной роли, принадлежности к социальному классу и т. д. Слова имеют разные грамматические характеристики.

Например, имена существительные семантической области «Социум» представлены в «Русском семантическом словаре» под редакцией Н. Ю. Шведовой. В раздел «Названия лиц» включены обозначения лиц «по социальному свойству, средоточию в лице характерных социальных черт своего времени, по характерному социальному состоянию, действию, функции, по личным и общественным отношениям, связям» [14, т. 1, с. 65], в том числе по вхождению в партии и другие объединения, по сословному положению, титулованию, экономическому, правовому состоянию, социальной значимости, авторитету, гражданству, отношению к административно-правовым нормам, к закону, суду и т. д. Во втором томе словаря в разделе «Слова, именующие всё создаваемое руками и умом человека» есть подраздел

«Организации, учреждения, предприятия, партии, общества, армия». В третьем томе этого же словаря в разделе «Имена существительные с абстрактным значением: бытие, духовный мир, общество» имеется подраздел «Общество, его жизнь, устои; социальное устройство; социальные состояния, отношения» [14, т. 1–3].

Выявление ассортимента «социальных характеристик человека» и их вербальных репрезентаций остается исследовательской задачей, решению которой посвящен ряд публикаций [9; 10; 17 и др.]. Например, Е. А. Шерина относит к микрополю «Социальные характеристики человека», включающему 76 образных единиц русского языка, лексику следующих микрогрупп: «Отношение к труду» (деловые и социальные качества, нежелание / желание работать, бесполезная работа, профессиональное занятие), «Отношения в обществе» (отношения подчиненности, мужчина и женщина, хозяин и гость, бескультурье), «Материальное положение» (бедность, жадность, богатство, щедрость), «Социальные проблемы» (слова *крючкотворство, волокита, загвоздка*). Предлагаемый в тех или иных работах состав социальных характеристик человека вариативен, так как следует принять во внимание различия в принадлежности материала какому-либо языковому идиому и в интерпретациях категорий «социальное» и «межличностное».

При анализе номинаций лексического множества «Социальные взаимодействия» большое внимание уделяется глагольной семантике, поскольку людей связывают определенные акции, процессы, отношения [5; 7; 12 и др.]. В словаре под редакцией Л. Г. Бабенко (Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание) за основу взято различие глаголов действия и состояния. В число глаголов социальной деятельности включены глаголы деятельности по достижению цели; общественно-политической деятельности; издательской деятельности и распространения информации; использования; воспроизведения; осуществления; противодействия; профессионально-трудовой деятельности; поступка и поведения [16, с. 380–434]; в свою очередь, среди глаголов социальных отношений различаются подгруппы глаголов победы и поражения; принуждения; влияния; подчинения; защиты; помощи; обеспечения; разрешения и запрещения; управления [16, с. 607–637].

Глаголы социальных действий и отношений становятся объектом рассмотрения в монографии А. М. Плотниковой, определяющей социальные глаголы как «концептуализирующие тот фрагмент процессуально-событийной картины мира, который связан с жизнью человека в социуме, социальными действиями и социальными отношениями между людьми» [12, с. 203]. Автор приходит к выводу о том, что социальные глаголы характеризуются антропоцентричностью, полифункциональностью, а также диффузностью и полипропозитивным характером значений, прагматической направленностью, и выделяет когнитивные модели семантической деривации таких глаголов – когнитивные стратегии «активации и фильтрации информации», «просачивания актантов», «профилирования», «образных схем» [12, с. 203–205]. В другой работе этого автора уделяется внимание глаголам-репрезентантам этических концептов (*прелюбодействовать, беззаконничать, пижонить, хвастаться, дебоширить* и т. п.) и на основе зафиксированных этими номинациями типов нарушения норм морали (нарушения принципов искреннего, естественного, умеренно скромного, серьезного поведения и т. п.) формулируются аксиомы поведения, обеспечивающие гармоничное существование человека в социальной среде: *необходимо быть честным, держаться естественно, быть скромным, быть серьезным, контролировать свои эмоции, быть нравственным, проявлять смирение, быть трудолюбивым*. Этический идеал выявляется «от антиидеала», запечатленного в глаголах поведения [13, с. 28].

Л. В. Балашова определяет семантическую область «Социальные связи и отношения» как занимающую особое место в реализации ключевых социоморфных концептуальных моделей метафоризации, «формируемых на базе оппозиций “свой – чужой” и “властвующий – подвластный”» [1, с. 89, 193]. Она отмечает две особенности: «Во-первых, при формировании переносных значений, как правило, не происходит решительной смены сферы приложения метафоры: социальная метафора преимущественно функционирует внутри той же макросистемы» [1, с. 87]. Об этом же пишут Е. В. Ваулина, Г. Н. Складневская [3, с. 210; 15, с. 93]. Вторая особенность состоит в том, что характеристика типа отношений в общине сопровождается «квалификационной оценкой» этой характеристики [1, с. 88].

Определяя спектр подтем, образующих тематическую область «Социальные отношения», исследователи прибегают к экспериментальным методикам. Например, Е. В. Ерофеева, Е. А. Пепеляева путем опроса студенческой аудитории выделили в семантическом поле «Человек» несколько актуальных для современного сознания лексико-семантических групп, среди которых представлена группа «Социальные характеристики человека», составленная из подгрупп «профессия и другие занятия», «семья», «национальность», «статус», «межличностные отношения», «социальная роль», «религия», «убеждения», «асоциальные элементы», «группы и групповые отношения» [6].

Обозначения объектов, процессов, явлений из сферы общественной жизни чрезвычайно сложно в семантическом отношении непротиворечиво упорядочить. В «Идеографическом словаре русского языка» выделены семантические группы, названия которых свидетельствуют о разнообразии объектов социальной сферы, о вынужденной множественности критериев, используемых при их классификации, о соотношении понятий из сферы представлений о социальных явлениях с разными абстрактными категориями, о частичном наложении идеограмм друг на друга: «общество», «жизнь общества», «общественные отношения», «организация», «руководство», «государство», «армия», «взаимоотношения», «содействие», «регламент общественной жизни», «соблюдение норм», «наказание», «культура» и т. д. [2] (здесь приведены те разделы словарной идеографической классификации, в которых так или иначе затрагиваются социальные категории вообще и явление социальной регуляции, в частности). Грамматическое и семантическое многообразие социальной лексики обуславливает трудность ее дифференциации и описания.

По результатам просмотра материалов «Русского семантического словаря» под общей редакцией Н. Ю. Шведовой отметим преобладание книжных лексем – обозначений административных органов, руководящих должностей, документов и мн. др. Это означает, что номинируемые реалии соотносятся прежде всего с государственностью, с общественно-политическим устройством современного государства.

В целом надо признать, что идеографическая «сетка» социальной лексики, а тем более лексики социальной регуляции, в русском литературном языке на сегодняшний день не вполне разработана, только

начато ее осмысление. Еще меньше она описана по данным русских народных говоров.

Диалектная лексика наиболее однозначно соотносится с типом культуры, свойственным деревенскому социуму как образцу традиционного крестьянского общества. Далее речь пойдет о лексике, по отношению к которой исследователи употребляют термин *социальная*.

Вопросу установления спектра диалектных лексем с «социальной семантикой» уделяется большое внимание в работе М. В. Пелипенко, подчеркивающей возможность выявления таких смыслов на разных уровнях семантической структуры слова: «Социальная семантика в диалектном слове классифицируется по нескольким типам: исходная, приобретенная в новых коммуникативных ситуациях, приращенная в тексте, пассивная, актуализированная и др.» [11, с. 14].

Опыт систематизации значений слов, принадлежащих одной группе говоров, предпринят в «Этноидеографическом словаре русских говоров Свердловской области» [4]. В нем со всей полнотой отражена идеография лексики, составляющей область «Социум», хотя она и разнесена по разным выпускам словаря в соответствии с логикой структурирования материала. Так, в третий выпуск «Народная эстетика. Семья и родство. Обряды и обычаи» включены обозначения обычая [4, вып. III, с. 131], коллективных помочей [4, с. 171–175], а в разделе «Досуг (свободное от работы время, посиделки, гулянья, игры)» можно найти номинации, описывающие обычаи гощения (раздел «Ходить в гости, принимать гостей, гостеванье») [4, вып. IV, с. 10–25]. Понятно, что выделение и классификация идеограмм социальной лексики не входили в задачи словаря.

В сущности социальные, в том числе интересующие нас социально-регулятивные, смыслы могут быть выявлены в разных элементах семантической структуры слова. Так, согласно концепции о структурированности лексического значения, о его иерархической организации, в значении лексических единиц можно выделить несколько частей, из которых центральной является ассертивная, в то время как пресуппозиционная часть содержит неосновные, подразумеваемые смысловые компоненты и условия правильного употребления слова. Например, слово *обычай*, его синонимы и аналоги обозначают особенность организации жизни социальной группы, то есть норму, ко-

торая регулирует жизнь людей в обществе, следовательно, социально-регулятивный смысл содержится в сигнификативной части значения таких слов, как и в случае, например, с обозначениями обучающего, социализирующего воздействия — диал. *наставлять, направлять, натывать, периначивать, полировать* ‘воспитывать, направлять, наставлять, учить’. В свою очередь, в номинациях *очестливый гость, огостить*, реализующих в русских говорах идеограммы ‘скромный гость’ и ‘побывав в гостях, оставить грязь и беспорядок’ посредством сопровождающих основной набор сем коннотаций, выражающих одобрительную или неодобрительную оценку, актуализируется представление о правилах поведения в гостях, иначе говоря, социально-регулятивные смыслы присутствуют в пресуппозиционной – прагматической – части значения. Даже безоценочные наименования *гость, хозяин, гостить* вызывают в сознании носителя языка представления о ролевом регламенте участников гостевой коммуникации.

Социально-регулятивный компонент значения может быть частью сигнификата или представлять собой коннотацию, поэтому при формировании семантического поля социальной лексики может быть использован принцип объединения не только лексем, в которых семантический элемент, составляющий критерий формирования поля, заключен в ассертивной части значения, но и лексем, в которых этот элемент представлен в пресуппозиционной части значения.

Для лексики социальной регуляции как части лексического массива, описывающего социальные объекты и отношения в целом, такой принцип объединения языковых фактов кажется целесообразным, поскольку вообще смыслы социальной сферы часто реализуются в области коннотаций. Л. П. Крысин даже признает приоритет этой области лексического значения в выражении социальной семантики: «Априори очевидно, что социальное в слове может быть главным образом в пресуппозиционной части его лексического значения» [8, с. 438]. Между тем социальные смысловые компоненты, несомненно, могут быть зафиксированы в сигнификативной части значения: «Социальное может находиться и в ассертивной части значения – у тех слов, которые называют какой-либо вид общественных отношений, результат деления общества на классы и группы и т. п. (ср., например, многие философские и, в частности, социологические термины типа *класс*,

базис, надстройка, буржуазия, эксплуатация и т. п.). Однако это тривиальные случаи прямого отражения в языке социального — в виде номинаций тех или иных общественных явлений; в лингвистическом отношении эти случаи малоинтересны» [8, с. 438–439].

Если принять возможность комплексного изучения в пределах одного лексико-семантического поля и асертивной, и пресуппозиционной части значения слов с точки зрения присутствия в них одного семантического компонента, становится возможным отнести, например, к полю социальной регуляции и слово *гощение* как обозначение формы организации социальных взаимодействий, в самом денотате которого присутствует отсылка к организационно-регулятивному потенциалу гостевых взаимодействий, и любое слово соответствующей семантической области – *гость, отгашивать, выгостья* и др., поскольку каждое из них, являясь обозначением элемента из развернутого социального сценария, на уровне актуализируемых речевых смыслов, коннотаций репрезентирует социальную семантику в языке.

Литература

1. *Балашова Л. В.* Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее / Л. В. Балашова. Москва: Языки славянской культуры, 2014. 496 с.
2. *Баранов О. С.* Идеографический словарь русского языка / О. С. Баранов. Москва: ЭТС; Polyglossum, 1995. 820 с.
3. *Ваулина Е. Ю.* Картина мира в языковой метафоре / Е. Ю. Ваулина, Г. Н. Складневская // Scando-Slavica. Copenhagen, 1995. Т. 41. С. 200–213.
4. *Востриков О. В.* Традиционная культура Урала: этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области: в пяти выпусках / О. В. Востриков. Екатеринбург: Свердловский областной Дом фольклора; Уральское литературное агентство, 2000. Вып. 1: Народный календарь. 148 с. Вып. 2: Народная свадьба. 206 с. Вып. 3: Народная эстетика. Семья и родство. Обряды и обычаи. 200 с. Вып. 4: Досуг (свободное от работы время, посиделки, гулянья, игры). 161 с. В. В. Липина. Опыт этноидеографического словаря русских говоров Свердловской области. Екатеринбург, 2004. Вып. VI/1. 256 с.
5. *Гайсина Р. М.* Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке / Р. М. Гайсина. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 1981. 194 с.
6. *Ерофеева Е. В.* Структура семантического поля «Человек» в сознании носителей русского языка / Е. В. Ерофеева, Е. А. Пепеляева // Вестник Пермского университета. Серия: Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 1. С. 7–19.

7. Ковенева С. Б. Функционально-семантическая характеристика глаголов социальных отношений в современном художественном тексте (на материале трилогии Е. А. Кулькина «Прощеный век») / С. Б. Ковенева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2008. № 1. С. 175–178.

8. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л. П. Крысин. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.

9. Кусова М. Л. Социальный аспект характеристики человека через призму отрицательных фразеологических единиц / М. Л. Кусова // Язык. Система. Личность. Екатеринбург, 2000. С. 84–87.

10. Лапшина О. Г. Социальная составляющая языкового образа человека (на материале предметных фразеологизмов): автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / О. Г. Лапшина. Тюмень, 2008. 24 с.

11. Пелипенко М. В. Социальная семантика в структуре диалектного слова (на материале тамбовских говоров): автореферат диссертации... кандидата филологических наук: 10.02.01 / М. В. Пелипенко. Тамбов, 2009. – 27 с.

12. Плотникова А. М. Многозначность русского глагола: когнитивное моделирование (на материале глаголов социальных действий и отношений) / А. М. Плотникова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. 226 с.

13. Плотникова А. М. Этические нормы и их отражение в словарях русского языка / А. М. Плотникова // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2010. Т. 3. С. 25–28.

14. Русский семантический словарь: толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Москва: Азбуковник. Т. 1: Слова указующие (местоимения). Слова именующие: Имена существительные (Все живое. Земля. Космос.): 39000 слов и фразеологических выражений. 1998. 800 с.

15. Складневская Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Складневская. Москва: Наука, 1993. 152 с.

16. Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание: английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. Москва: АСТ-Пресс, 1999. 704 с.

17. Шерина Е. А. Собственно образное слово как носитель лингвокультурной информации о восприятии человека и социума в русской и английской языковых картинах мира / Е. А. Шерина // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 361. С. 30–34.